

На дне колодца. На вершине горы

Денис Тихий

Тому, кто думает, что он познал дно человеческой подлости, стоит поискать колодец, ведущий еще глубже.

Шао Ё

Аркадию снился дурной сон. В этом сне он погружался в колодец, протопленный невиданной силой в ледяном панцире Снега-II.

Он хотел всплыть к расплесканному небу, но отрицательная плавучесть властно тянула вниз. Из рта выпорхнули стеклянные пузырьки воздуха, и, пересилив приступ паники, Аркадий понял, что может не дышать. Он вытянул руки и сделал несколько резких гребков вниз, силясь разглядеть — что там, на дне колодца? Тьма растворила его, стенки колодца загудели, и, балансируя между сном и явью, он догадался, что гудит не колодец, а сирена тревоги планетарной станции Снег-II.

С последним гребком он вынырнул в реальность, прямо на теплый пол кубрика.

Аркадий прикоснулся к контактной пластине на переборке, и тонкий, сверхпрочный костюм мембранной защиты, скользнув по рукам, моментально обнял все его тело, захлестнувшись прозрачным капюшоном на голове.

Что это за тревоги у нас? А вдруг слетела настройка реактора? Или поврежден контур и гостеприимная природа Снега-II принялась обживать нижний ярус? Гараж зарастает сиреневой травой, гигантские улитки окружили забытую в «гардеробе» кофейную чашку и пьют на нее свои васильковые глазки?.. Он чуть не расшиб голову о причудливый извив кабельтрассы на низком потолке в коридоре. Тут сон с него и слетел окончательно. При чем тут реактор? Реактор уже месяц на трехпроцентной мощности. Реактор, граждане, тут совершенно ни при чем. Да и контур не поврежден — тревога не аварийная.

В центральном посту тускло горел дежурный свет. Аркадий уселся в кресло и дал щелбана пластмассовому клоуну, которого поставил на своем столе Борис. В воздухе перед лицом соткалось рабочее поле бортового компьютера. Цвета отливали в зеленое — надо бы откалибровать проектор, да все руки не доходят. В центре поля пульсировал сигнал экстренного вызова. Соединение. Появилось лицо напарника и командира экспедиции Бориса Кима.

— Господи, наконец-то! — прошептал Борис.

— Ты где?

— На Террасе Ветров.

— Какого черта?!

— У нас тут зонд отказал.

— Он давно отказал! Мы же завтра идти собирались...

— Долго объяснять! Смотри.

Изображение развернулось. Сначала Аркадий ничего не разобрал — ноздреватый камень, какая-то черная заиндевевшая лужа и оранжевая ткань скафандра. Потом он понял.

— Твою мать! Что у тебя с ногой?

— Зонд сорвало с подвески, сдуло вниз. Проехал по ноге.

ФАНТАСТИКА

— Защита повреждена?

— Я ногу не чувствую.

— Защита повреждена?!

— Нет. Регенерация повреждена, кажется.

— Сколько у меня времени?

— Двадцать минут. Максимум — двадцать пять.

— Конец связи!..

Аркадий влетел в «гардероб», распихнул шкаф и стал торопливо натягивать легкий скафандр, прямо поверх мембранной защиты. В центре комнаты из пола выпростался мерцающий силуэт «гардеробщика».

— Легкие скафандры рекомендуются только для работы внутри контура.

— Знаю, заткнись.

— Температура за бортом минус шестьдесят градусов Цельсия. Скорость ветра двадцать метров в секунду. Если вы собираетесь покинуть контур, настойчиво рекомендую скафандр с экзоскелетом!

Аркадий опустил на голову шлем и прошел сквозь «гардеробщика» в гараж. Экзоскелет — это прекрасно. Только для инициации потребуется десять минут. Десять бесценных минут... Включилось освещение гаража. Так, что тут у нас? Борис отправился к террасе на двухместном скутере. В углу стоит «ЖБ-88» — армейский вездеход по прозвищу Жаба. Вчера Аркадий своими руками снял с него координационный блок, так что Жаба мертв. У противоположной стены на зарядке два легких «прыгуна». Один мигает красной лампочкой, а второй заряжен на четверть — и до террасы не хватит!

Чертов идиот! А ведь любишь к месту и не к месту вклейить присказку про уставы, написанные кровью! Поставить Жабе блок на место? Сорок минут, если спешить, если без диагностики. Трижды чертов идиот!.. Аркадий стукнул кулаком по бронированной морде Жабы. Вспыхнули фары, вездеход привстал на восьми ногах.

— Ходюте и ходюте, — сказал Жаба голосом Аркадия. — Запрягаться, что ли?

Аркадий заглянул в кабину — координационный блок стоял на месте в полной готовности. Что за чертовщина? Он уселся в кресло, входной люк стянулся тремя лепестками. Как же это его Борис починил? Зачем ученому заниматься работой технаря? Что за чудеса такие у нас происходят? Всё, думать будем потом!..

Проморгавшись, засветилась приборная панель.

— Быстрый старт! Конечная точка — Терраса Ветров! На максималке!

— Понимаем-с. Потрафим, — сурово сказал Жаба.

За ночь холм, на котором угнездилась Станция, зарос сиреневой травой. Ветер свистел, ерошил макушку холма, раздвигал и схлопывал в траве коридоры. Жаба миглом пересек километровый контур и припустил в сторону ближайшего леса. Почувяв его, деревья расступались в стороны. Он несся вперед, оставляя за собой след выго-

ревшей травы. Люди со своей техникой слишком горячи для местной флоры. Вскоре лес остался позади. Жаба перемахнул через неглубокий ручей, на ходу трансформировал колеса, поднял брюхо, пропуская крупный камень, и пошел в гору. Аркадий опрозрачил крышу и нашел Террасу Ветров. Экая нехорошая туча там собирается! «Снег-II обладает непредсказуемой погодой», — говаривал на инструктаже их куратор Анастас Сабирски. Черта лысого! Метеорологический спутник им запускать дорого, вот и вся непредсказуемость...

На своем пути к пропасти зонд пропахал глубокую борозду. Вдоль нее валялись керамические обломки опоры. Скутер лежал на боку — потом надо будет его забрать. Метрах в трехстах, на самом краю пропасти, посреди выгоревшей травы лежал Борис. Аркадий выпрыгнул из Жабы, пристегнул карабин страховочного троса и побрел к нему против ветра.

— Борис, прием! — позвал Аркадий в шлемофон.

Молчание. Он покосился на индикаторы. Вроде жив.

— Так, я на месте. Вижу тебя.

— Прием... — прошептал призрачный голос.

— Держись, командир. Сейчас тебя подберу. Дует тут у нас!

— Это точно. Поддувает...

Борису повезло. Прокатись зонд левее — отхватил бы голову...

Борис лежал навзничь, поджав под себя правую ногу. С левой ногой было плохо, а точнее — левой ноги не было ниже колена.

— Привет, старичок! — Аркадий прижался шлемом к шлему Бориса. Светофильтр не давал разглядеть его лицо — блин какой-то с двумя дырами.

— Привет, — невнятно ответил Борис. — Что там с моей шагалкой?

— До свадьбы заживет. Ресурса у тебя еще на пять минут, так что тащить буду быстро. Это больно.

— Давай уже!

Под левой ногой натекла небольшая лужица крови, пока скафандр затягивал повреждение. При минус шестидесяти кровь миглом замерзла и намертво приклеила ногу к камню террасы. Аркадий прижал к лужице вибронож — поверхность тут же покрылась паутиной трещин. Потянул ногу раз, другой — освободил. Он ухватил Бориса за ворот и потащил к Жабе. В шлемофоне раздался стон.

— Терпи.

— Выдержу, — просипел Борис сквозь зубы.

Ветер крепчал, вздувал каменный горох, швырял его в забрало шлема. Над головой с какой-то невероятной скоростью начинал kloкотать фиолетовый небесный кипяток. Наконец Аркадий прижался спиной к Жабе.

— Как дела, старичок?

— Вроде жив, — провыл Борис.

— Черт, я не сообразил — надо было пару кадавров активизировать. Они бы тебя донесли. Ну, давай, последний рывок!

Он уложил Бориса во второе кресло.

— Воздух пригоден, — сказал Жаба.

— Трогай домой.

— Эт мы завсегда, — ответил вездеход, разворачиваясь на месте.

— Шлем... — прошептал Борис.

Аркадий откинул защитную скобу и стянул с него шлем. Борис был белее сметаны. Аркадий снял свой шлем и забросил его назад. Достал аптечку, вытащил контактную ампулу с обезболивающим, прижал Борису к шее. Ампула

зашипела, мутноватое лекарство пошло в кровь. Аркадий извлек ампулу со снотворным. Борис судорожно выдохнул, схватил его за руку:

— Не надо.

— Почему?

— Много информации. Едем.

— Да едем уже. Все, старичок, уже все хорошо!

— Хорошо, — прошептал Борис, прикрывая глаза. — Да...

Медицинский модуль, похожий на металлического ежа, повисел над обезображенной ногой, радостно захрюкал, зажужжал, принялся аккуратнo, по нитке срезать штанину. Аркадий оторвался от панорамной картинки операционного поля и посмотрел на Бориса, вяло поедающего протеиновый йогурт.

— Я не доктор, конечно, но месячишко придется полежать, пока новая нога не вырастет.

— Понятно.

Борис, всегда бодрый, всегда с юмором смотрящий на жизнь, был просто сам на себя не похож. Он пристально, виновато как-то, смотрел на Аркадия. Понятное дело, что виновато!

— Может, расскажешь мне: зачем ты поперся на Террасу? Вернее — зачем ты один туда поперся?

— Сейчас все расскажу. Только... Дай мне зеркало. Вон — на столе стоит.

Борис повернулся к столу и посмотрел в зеркало — стародавнее, меняющее право и лево. В зеркале отражался он сам с чернющими глазами на белом лице. Еще там отражался медицинский модуль, порхающий над ним, сшивающий тончайшие капиллярчики плоти. Там отражался даже утилизатор, переваривающий штанину скафандра. Зато там не было Аркадия. Вместо него какой-то шутник поместил в зеркало кадавра — андроида с черной надписью на лбу «КА-52». Кукольное и пустое лицо евнуха. Многофункционального, туповатого, предназначенного для работ на агрессивных планетах, средний срок активности пятьдесят два часа.

— Что это такое?! — крикнул Аркадий-кадавр в зеркало.

Это было страшно! Страшно! Страшнее недавнего сна. Страшнее всего на свете.

— Мы пошли вдвоем, как и положено по уставу. Добрались до места, осмотрели зонд. Я начал прозванивать контуры, а ты пошел посмотреть, что там с подвесками. Подвески тебя волновали.

— Дальше.

— Я нашел, в чем проблема, и пошел к скутеру. Блоки запасные взять, то-сё. И тут ударил ветер. Ты ведь знаешь, как это бывает на Снеге? Я только увидел, что у зонда лопнули подвески, он завалился, встал на ребро и покатился. Как монетка по столу. Ну, ясно. Ты был пристегнут страховкой к зонду. Кто же знал, что он упадет? А меня сбила с ног сигнальная мачта. Ты видел. Трепало до самого обрыва, каким-то чудом не утащило. А тебя утащило.

Борис аккуратнo сбросил баночку из-под йогурта в пасть утилизатора. Отер лоб.

— До скутера было слишком далеко, да и не смог бы я на нем ехать с одной-то ногой. Со мной связался бортовой компьютер станции. Он предложил решение. Он сохраняет метемпсикопии. Копии нашей личности, словом...

— Я знаю.

— Да. Он активировал кадавра, стер весь его функционал, а поверх записал твою копию личности, только без сегодняшних воспоминаний.

— Не знал, что так можно.

— Оказалось, что да — можно. В случае гибели носителя он может пользоваться сознанием для решения жизненно важных задач. Ну а просто отправлять кадавра было нельзя. Он же тупой совсем, пока добрался бы...

— Понимаю.

— Прости.

Аркадий поднялся, провел рукой по совершенно лысой голове. Как же это можно было не заметить, что тело-то абсолютно чужое? Просто не было ни секунды, чтобы задуматься, а ведь чувствовал он какую-то странность! Вот и объяснилось все, вот и нашелся потерянный день, во время которого он поставил Жабе координационный блок.

— Сколько мне осталось?

— Часов сорок.

— Ладно. Ты спи. Я пойду. Тяжело как-то с этим всем...

Он сел в свое кресло. Или в кресло Аркадия? Рабочее поле компьютера привычно замерцало перед лицом. Он перешел на вкладку «Управление станцией», соскользнул в меню «Сервоустройства — Андроиды». Три кадавра устанавливали рефлектор на берегу Пиявочного озера. Один — собирал пробы грунта на границе контура. Четверо зачем-то ходили по кругу на полпути к Террасе Ветров. Кадавр номер 00435 находился на центральном посту в статусе «Носитель». Он прижал менюшку пальцем, запросил подробности:

>Номер: 00435

>Модель: КА-52

>Статус: Носитель

>Задание: ????????

>Время до окончания активности: 36 ч 43 м

>Смена задания: Запрещено

>Состояние задания: Вып.

>Прервать активность андроида?

Аркадий задумался над последним пунктом, ткнул в него пальцем.

>Внимание! Андроид 00435 задание ??????? будет отключен. Продолжить?

Нет. Рано еще. Вон мужики рефлектор на Пиявочном озере ставят, а я что — особенный? Пойду, помогу...

Конечно, он не пошел ни на какое озеро. Он сел на «прыгуна», вывел его из гаража. За контуром Аркадий остановился, отстегнул шлем скафандра и положил его на покатый валун. Кадаврам доспехи без надобности. Он вызвал карту местности и проложил недалекий маршрут до безымянной точки. Они с Борисом старались каждому пеньку давать имя. Рекомендация психологов. Но именно до этой точки руки пока не дошли. «Пропасть Аркадия»? Почему бы и нет.

«Прыгун» несся по бездорожью, перемахивая через вертикальные речушки и подозрительные ямы, заросшие какими-то шевелящимися пузырями. Как же мало мы знаем про эту планету. Хапаем-хапаем, столбим все, до чего только можем добраться, даже не разбираясь толком, что же мы заполучили... Аркадий миновал широкий пляж, на котором грелись исполинские улитки, обогнул скалу и увидел обломки зонда, лежавшие под отвесной скальной стеной пятидесятиметровой высоты. Он остановил «прыгуна» и пошел пешком, широко, как человеку не суметь, перепрыгивая глубокие лужи.

Зонд не подлежал никакому восстановлению. Он переломился в трех местах, окрестные холмики были засыпаны крошевом электронной начинки. Впрочем, зонд интересовал Аркадия не сильно. Он обошел обломки, приподнял мачту в два центнера весом — силища-то! — но предмета

ФАНТАСТИКА

своих поисков так и не смог отыскать. Потом забрался на самый большой камень и осмотрелся по сторонам — унылое местечко! Сплошь камни, дыры, да каким-то лиловым мочалом все заросло. Около самой стены он увидел оранжевое пятно, спрыгнул с камня, побежал.

Труп в оранжевом скафандре лежал на камнях лицом вниз. Аркадий отогнал вездесущих любопытных улиток. Вот и встретились. И даже могилу не выраешь — разве что саркофаг сложить из камней? Будут тут собираться старперы-однокашники, оставлять цветочки и пить водку, не чокаясь, быстро, приоткрыв забрала шлемов. Спирт тут вроде не замерзает, во всяком случае днем.

Аркадий нагнулся над телом, перевернул его на спину, стянул с головы разбитый шлем и понял, что с мыслями о захоронении он поспешил. Страшно было смотреть в собственное заиндевевшее мертвое лицо. Но куда страшнее была аккуратная круглая дыра во лбу, пробитая рудосборником. Керамическим длинноносым рудосборником, который Борис всегда носил на поясе. Вдруг в какой-нибудь пробе отыщется золото?..

Аркадий усадил свой труп на пассажирское сиденье, пристегнул ремнями. Левая рука нелепо торчала в сторону. Он аккуратно прижал ее. Мертвые пальцы разжались, из них выпал плоский черный камушек. Аркадий завел «прыгуна» и поехал обратной дорогой, домой к другу и напарнику. К Борису, который катал Ньюшку на коленях и вместе с Ленкой перебирал крыжовник на даче. К Борису, который убедил Анастаса Сабирски взять на Снег-II именно Аркадия.

— ...Но у Аркадия нет опыта работы в дальнем космосе.

— Зато я его знаю сто лет! Я только на него рассчитывать могу!..

«Прыгун» несся вперед, труп стучался коленом о защитный обод. «Кто из нас кадавр-то теперь?» — недоумевал Аркадий.

— ...Станция стоит кучу денег. Результат! Результат любой ценой! — кричал Борис на Анастаса...

Теперь было понятно, о какой цене речь. Аркадий — технарь, высокооплачиваемый мускул, обеспечивающий. Борис — мозг, ядрышко, смысл нахождения Станции в этой глуши. Теперь понятен его виноватый взгляд. Интересно, а как он думал жить после всего этого? Зайдет ли он к Ленке с соболезнованиями? Погладит ли Ньюшку по голове?.. Кадавр 00435, временный носитель чужого сознания, завыл, закричал. Свело бы горло спазмом, но нет там мышц, заплакать бы, но и слез нет.

Аркадий последний раз посмотрел в свое лицо и закрыл холодильную камеру. Миссия Земли на этой планете временно приостановлена. Скоро на Станцию прибедет толпа ушлых следователей. Двойное убийство — ерунда ли?.. Он стер иней с лица и рук, поднялся в центральный пост, бросил разбитый шлем на стол. У него не осталось никаких эмоций, он словно умер во второй раз, он был просто ору-

дием возмездия — глупого, ненужного, неправильного, такого человеческого. Дверь в медицинский бокс была приоткрыта, Борис спал, изо рта свешивалась ниточка слюны. Аркадий равнодушно посмотрел на него, поднял рудосборник, прижал керамический ствол ко лбу спящего. Палец удобно лег на спусковой крючок, напрягся (замечательно чуткие пальцы у кадавров, на пианино играть можно!) и — пошел-пошел-пошел...

Из центрального поста донесся мягкий звон. Аркадий опустил ствол, сунул рудосборник в карман, вышел в центральный пост. На покрытом грязью шлеме мигала зеленая лампочка.

На рабочем поле компьютера светилась надпись:

>Обнаружено свежее обновление метемпсикопии

>Носитель: Аркадий Томин

>Статус: выб.

>Статус копии: Носитель 00435, Архив

>Копия в Архиве: Обновлена

>Копия в Носителе 00435: Запрос на обновление

Аркадий опустил в кресло, ткнул грязным пальцем: «Обновить».

>Носитель 00435 содержит более поздние личностные данные. Стереть?

— Нет.

>Добавить новые данные в соответствии с хронологией?

— Да.

>Внимание! Начато обновление данных

Аркадий пришел в себя от страшной боли в ногах — словно кипятком обварили. Он повернул голову — рядом лежал Борис, его левая нога была неестественно вывернута. Аркадий попробовал приподняться на локте, но ветер прижал, распластал.

— Борис! Борис, прием!

— Есть прием.

— Жив, старичок?

— Ноги не чувствую.

— А я вот, наоборот, чувствую. Махнемся?

Борис протянул к нему руку, похлопал по плечу:

— Мы влипли, старичок, да?

— Да. Мысли есть?

— Надо ползти к скутеру.

— Думал уже. У тебя сломаны ноги, у меня — тоже как минимум одна. Ресурса у нас на час, не больше.

— Да, я вижу индикатор.

— Мы не успеем. Максимум — доползем до скутера.

Аркадий посмотрел в бурлящее небо. Когда-то все к этому приходят.

— К черту, поползли! Давай-давай, старичок!

Унизительное, болезненное копошение заняло десять минут. Аркадий замер, переждал, пока успокоится сердце, глотнул соленой воды из патрубка.

— Ты связался со Станцией?

— Да. Нам выслали кадавров навстречу.

— Ждем?

— Уже нет. Они заблудились.

— Значит, все, старичок? Сдаваться?

Борис повернулся к нему, прижался шлем в шлем, заорал так, что голосу в шлемофоне вторило дребезжание забрала:

— А что делать?! Я все обдумал! Все! Нас тут пришпилили, как двух жуков! И нет шансов! Все! Аут! Баста!

— Не ори. У меня есть один вариант. Сегодня утром читал мануал и наткнулся, как нарочно.

— Что?

Аркадий повернулся на бок, чуть не взыв от боли.

— Компьютер пишет метемпсикопии — наши личности. Что, если...

— Так. Понял. Ты предлагаешь использовать носителя? Кого?

— Кадавра.

— Это... возможно?

— Да. Такой умненький кадавр легко сюда доберется. На Жабе, скажем.

— Так что же мы ждем?

— Есть нюанс. Компьютер ничего не будет делать с метемпсикопией, пока не зарегистрирует смерть оригинала. Таков закон.

— Хреновый ты нам выход предлагаешь.

Аркадий подключился к компьютеру Станции. На внутренней стороне забрала появились мерцающие строки:

>Аркадий Томин авторизирован

— Нужен андроид.

>К срочной активации готовы 15 андроидов

— Нестандартная загрузка.

>Параметры?

— Метемпсикопия Аркадия Томина.

>Обнаружена копия, обращение запрещено

— Причина запрета?

>Закон Федерации 1507

— Если не выполнить эту загрузку, мы погибнем!

>Попытка обращения

>Обращение запрещено

>Активизировать стандартного андроида?

— Борис!

— Да?

— Ничего не выходит!

— Я тоже пробовал.

— Было бы время, может, удалось бы обойти.

— Времени нет.

— Кому-то надо... Ты понимаешь?

— Да. Я готов.

— Я тоже, старичок.

— У тебя жена и дочь.

— У тебя мать. И не в этом дело. Бросим монетку?

— В радиусе ста парсеков монеток нет.

— Значит, бросим камушек. — Аркадий подобрал плоский булыжник, черный с одной стороны, выгоревший с другой. — Поехали, я первый.

Аркадий пришел в себя в кресле. Тихо встал, бросил рудосборник в утилизатор, осторожно прикрыл дверь в медблок.

Солнце на Снеге-II огромное, красное. Оно поднималось из-за моря, заливало холмы багровым сиянием, и деревья сбивались в табунчики, лезли к свету, к жизни. Кадавр 00435 сидел на вершине горы и смотрел вниз, в долину. Он где-то слышал о необходимости искать колодец на дне человеческой подлости. Мол, этот колодец приведет еще ниже, а там, наверное, найдется еще один колодец.

Что же, верно и обратное утверждение, поэтому он сидит на горе.

